

Научная статья
УДК 93/94:2-6
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-4-1081-1097

Советско-греческие церковные отношения как фактор послевоенной стабилизации в мире (1946–1953 гг.)

Елизавета Александровна МАРТЮКОВА

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1
eamartyukova@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена роль религии и религиозных лидеров в советской внешней политике в отношении Греции. Причины конфликта между Русской православной церковью и Греческой церковью коренились не в религии, культурный разлом между двумя автокефальными церквями переводился в сферу политического регулирования. Рассмотрены советско-греческие церковные взаимоотношения с 1946 по 1953 г. по вопросу русских монастырей на Афоне. Описываемые события происходили в ходе Гражданской войны в Греции – 1944–1949 гг. и первые годы после нее. На основании документов Государственного архива Российской Федерации и писем патриарха Алексия I в Совет по делам РПЦ, которые хранятся в нем, проанализирован характер действий советских представителей по вопросу русских монастырей на Афоне и дана оценка действий церковных представителей СССР по линии внешних церковных связей. На основе анализа источникового документального материала сделан вывод о том, что СССР проецировал идеологические догмы на свой внешнеполитический курс и в Православном мире. Гражданская война в Греции 1944–1949 гг. показала зависимость конфессионального сектора греческого общества от политической составляющей. Политическое противостояние между СССР и США оказалось решающим в принятии прозападного государственного курса Греции, в том числе в религиозном обществе. Показано, что особенностями Русской и Греческой православных церквей, как участников международных отношений, является тесная согласованность их международной деятельности с работой соответствующих государственных политических институтов. Показана роль церковной дипломатии для налаживания коммуникаций между двумя государствами по поводу плачевного положения русских монастырей на горе Афон и сделан вывод о миротворческом потенциале РПЦ. Подчеркнуто, что исходя из многовекового опыта сотрудничества политики и религии можно говорить о существовании схожих позиций в поле регулирования социальной деятельности.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, Афон, Карпов, патриарх Алексий I, Сталин

Для цитирования: Мартюкова Е.А. Советско-греческие церковные отношения как фактор послевоенной стабилизации в мире (1946–1953 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 4. С. 1081–1097. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-4-1081-1097>

Soviet-Greek church relations as a factor of post-war stabilization in the world (1946–1953)

Elizaveta A. MARTYUKOVA

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation
eamartyukova@yandex.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© Мартюкова Е.А., 2022

Abstract. We consider the role of religion and religious leaders in the Soviet foreign policy towards Greece. The reasons for the conflict between the Russian Orthodox Church and the Greek Church were not rooted in religion, the cultural divide between the two autocephalous churches was transferred into the sphere of political regulation. On the issue of Russian monasteries on Mount Athos, we considered the Soviet-Greek church relations from 1946 to 1953. The events described took place during the Greek Civil War – 1944–1949, and the first years after it. Based on the documents of the State Archive of the Russian Federation and the letters of Patriarch Alexy I to the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, which are stored in it, the nature of the actions of Soviet representatives on the issue of Russian monasteries on Athos, we analyze and made an assessment of the actions of church representatives of the USSR in the line of external church relations. Based on the analysis of the source documentary material, we concluded that the USSR projected ideological dogmas on its foreign policy in the Orthodox world as well. Greek Civil War 1944–1949 showed the dependence of the confessional sector of Greek society on the political component. The political confrontation between the USSR and the USA turned out to be decisive in the adoption of the pro-Western state course of Greece, including in the religious society. It is shown that the peculiarities of the Russian and Greek Orthodox Churches, as participants in international relations, are the close coordination of their international activities with the work of the relevant state political institutions. The role of church diplomacy for establishing communications between the two states regarding the deplorable situation of Russian monasteries on Mount Athos is shown, and we make a conclusion about the peacekeeping potential of the Russian Orthodox Church. It is emphasized that based on the centuries-old experience of cooperation between politics and religion, we can talk about the existence of similar positions in the field of regulation of social activity.

Keywords: foreign policy, international relations, Athos, Karpov, Patriarch Alexy I, Stalin

For citation: Martyukova E.A. Sovetsko-grecheskiye tserkovnyye otnosheniya kak faktor poslevoynnoy stabilizatsii v mire (1946–1953 gg.) [Soviet-Greek church relations as a factor of post-war stabilization in the world (1946–1953)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 4, pp. 1081–1097. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-4-1081-1097> (In Russian, Abstr. in Engl.)

«У религии и у Организации Объединенных Наций задача одна – умиротворить жизнь и повысить тем самым народное благосостояние» [1].

Кто утверждает, что религия не имеет никакого отношения к политике, тот не знает, что такое религия.

М. Ганди

В последнее время происходит увеличение политической активности религиозных организаций и движений, в связи с чем в современной ситуации конфессиональный фактор становится одной из существенных со-

ставляющих национальных и многих междуна-
родных политических процессов. Церковь
играет важную миротворческую роль на всем
пространстве не только нашего Отечества, но
и христианского мира в целом. Наряду с воз-
растанием религиозного фактора в междуна-
родно-политической, культурной и социаль-
ной сферах жизни современного общества
участились нападки на религиозные устои
монотеистических религий. Взаимодействие
религиозных организаций разных государств
и изучение проблем межконфессиональных
отношений на современном этапе выступает
важной и актуальной темой для нашей стра-
ны с точки зрения построения равноправных
отношений во всех сферах жизнедеятельно-
сти общества и на международной арене. Ре-
лигиозные объединения являются значимым
элементом современной социальной струк-
туры. Религия может служить делу примире-
ния стран и народов и не должна быть при-
чиной конфликтов между ними. Русская пра-
вославная Церковь уделяет огромное внима-
ние поддержанию межрелигиозного и меж-
конфессионального диалога, соработничест-
ву Церкви и государства, укреплению связей
с зарубежными православными общинами¹.
Проблема международных отношений по
линии внешних церковных связей была важ-
на всегда, но особую актуальность она при-
обретает в настоящее время в условиях воз-
никновения новых форм международных
конфликтов, таких как конфессиональных,
этнополитических. Переплетение политиче-
ских противоречий с религиозными и этни-
ческими процессами составляет одну из
главных особенностей ситуации сложившей-
ся в послевоенный период на территории
Святой Горы Афон. Это представляет исклю-
чительную важность для понимания совре-
менных политических процессов и формиро-
вания целостной концепции развития россий-
ской государственности и внешней политики.

События, происходящие на Балканах –
едва ли не центральная тема научных иссле-

дований ученых разного профиля на многие
годы. При этом авторы подавляющего боль-
шинства публикаций сосредоточиваются на
макропроцессах. Мало обращается внимания
на взаимодействие стран по церковной ли-
нии. Советско-греческие церковные отноше-
ния с 1946 по 1953 г. в послевоенный период
не рассматривались в отечественной историо-
графии как целостное явление и как часть об-
щественной и государственно-политической
жизни СССР. Среди отечественных работ,
посвященных аспекту внешних церковных
связей, следует отметить труды М.И. Один-
цова, М.В. Шкаровского, О.Ю. Васильевой,
Т. Чумаченко, И.В. Шкуратовой, С.А. Шку-
ратова, А.Г. Зоитакиса, И.Г. Джухи. Однако
остается очевидным дефицит специальных
работ, рассматривающих воздействие рели-
гиозного компонента на внешнюю политику,
переплетение культурно-религиозной со-
ставляющей с другими сферами обществен-
ной жизни и роль религиозных элит и лиде-
ров в процессе политического урегулирова-
ния кризиса. Взаимоотношения СССР и рус-
ских обителей Афона – одна из малоисследо-
ванных тем отечественной историографии,
что является составной частью культурной
коммуникации двух государств.

Человеческий фактор можно считать
лишь малозначащим «частным случаем».
Между тем именно из мнений отдельных
людей складывается история человечества.
Локальное измерение масштабных процессов
позволяет увидеть их малоприметные, но
важные грани. Наше исследование основы-
вается на изучении архивных документов и
писем патриарха Алексия I в Совет по делам
РПЦ. Письма патриарха Алексия I представ-
ляют собой уникальный комплекс источни-
ков по истории государственно-церковных
отношений в СССР и самой Церкви. Доку-
менты иллюстрируют позицию предстоятеля
РПЦ, его ближайшего окружения в условиях
трансформации церковной политики и дают
возможность проследить изменения в их
подходах.

Как и межправительственная организа-
ция ООН, которая имеет цель поддерживать
международный мир и безопасность, религия

¹ Путин В. Патриарху Московскому и всея Руси
Кириллу. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/65641> (дата обращения: 15.05.2021).

выполняет миротворческую миссию, откликаясь на важнейшие события в регионах. Несмотря на кризисы, с которыми сталкивалась ООН за время ее существования, благодаря международно-правовым и политическим механизмам, заложенным в Уставе ООН, удалось разрешить многие острые вопросы послевоенного мироустройства [2]. Церковь также принимает участие в политической деятельности и дополняет усилия правительства по мирному разрешению конфликтов.

Рассматриваемая проблема весьма сложна и многоаспектна. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1946 по 1953 г., то есть с начала конфронтации на новом уровне двух мировых держав – СССР и США, составляющей которой была Греция и до кончины И.В. Сталина, когда в СССР было развернуто дипломатическое «мирное наступление» на международной арене, частью которого стало урегулирование отношений с Грецией [3]. Религиозные противоречия, усугубленные государственной политикой, создавали социальную напряженность, которая проявлялась в отсутствии активной коммуникации по линии внешних церковных связей. По сути, речь идет не о вражде на уровне религий, а о межгосударственном идеологическом противостоянии, нежелании двух сторон вести диалог культур, который бы мог оказать значительное влияние на урегулирование конфликтной ситуации.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Конфессиональная составляющая мирового пространства создает широкие возможности как для усиления, так и для снижения конфликтности международных отношений. Политические и религиозные институты начинали взаимодействовать лишь тогда, когда было необходимо или сражаться против каких-либо действий внутри страны, или противодействовать внешним угрозам, хотя про-

тиворечия постоянно себя обнаруживали и в этих взаимодействиях [4].

Внешняя деятельность Русской православной церкви подчинена общей цели свидетельства о христианской истине в международных отношениях, заботе об установлении прочного и справедливого мира между народами². Окончание Второй мировой войны существенно изменило ситуацию не только на политической арене, но и в православном мире. Заметно усилившийся Московский Патриархат выступил с претензией на лидерство в мире, что не могло не привести в перспективе к конфликту с Константинопольской церковью.

Существенную роль в этом противостоянии сыграла начинавшаяся холодная война между Советским Союзом и блоком западных государств во главе с США [5, с. 81]. Нагнетание международной напряженности привело к тому, что очень ярко обозначилась проблема разделенности мира политическими, национальными и религиозными границами. При рассмотрении аспекта внешнеполитической деятельности Русской православной церкви во второй половине 1940-х гг. учитывалось прямое давление советской власти на процесс принятия Московским Патриархатом выгодных для себя решений по вопросам международного характера. Русская церковь стала «государственной церковью», ставшей проводником внешней политики Кремля [6, с. 3]. Председателем Совета по делам Русской православной церкви был полковник госбезопасности Г.Г. Карпов³.

² Патриарх Кирилл: Цель внешней деятельности Русской церкви – свидетельство о правде и установление мира между народами. URL: <https://www.pravmir.ru/patriarx-kirill-cel-vneshnej-deyatelnosti-russkoj-cerkvi-svidetelstvo-o-pravde-i-ustanovlenie-mira-mezhdu-narodami/> (дата обращения: 12.05.2021).

³ Карпов Георгий Григорьевич. 1898–1967 гг. С 1917 г. служил в органах ВЧК–ГПУ–НКВД–НКГБ Карельской, Ленинградской областей. В 1938 г. награжден Орденом Красной Звезды «за выполнение важнейших заданий правительства». С 1940 г. в Москве, в ГУГБ СССР. С декабря 1941 г. – начальник 4-го Отдела 3-го Секретно-политического Управления НКВД СССР. 14 февраля 1943 г. присвоено спецзвание полковника госбезопасности, 9 июля 1945 г. присвоено звание генерал-майора госбезопасности. Приглашение

Сформированный Совет по делам Русской православной церкви⁴ – по мысли Сталина – стал узлом связи между Правительством и Церковью. Значение, которое советское правительство придавало Русской православной церкви, – в первую очередь, ее роли в планах послевоенного переустройства мира, – обусловило и место Совета по делам РПЦ в иерархии советских учреждений первых послевоенных лет [7, с. 235]. Совет объединял высокопоставленных представителей всех высших органов государственной власти в стране и играл ключевую роль при решении абсолютного большинства вопросов в области государственно-религиозных отношений. Сталин и Молотов, а с 1946 г. и заместитель председателя Совета Министров СССР К.Е. Ворошилов были постоянно в курсе всех церковных дел. С помощью Совета по делам РПЦ государство держало под контролем каждый ее шаг [8, с. 340–341]. Большое место в работе Совета по делам РПЦ занимали вопросы, связанные с международной деятельностью Московской Патриархии. До января 1946 г. в структуре Совета не существовало специального подразделения, в сферу компетенции которого входили

бы вопросы внешних связей Московской Патриархии. Далее в структурах Совета и патриархии появились отделы, прерогативой которых были вопросы внешнеполитической деятельности Церкви: Отдел по делам центрального управления Церкви Совета⁵ и Отдел внешних церковных сношений Московской патриархии во главе с митрополитом Николаем (Ярушевичем). Отдел по делам центрального управления направлял заграничную деятельность Московской Патриархии и наблюдал, чтобы эта «деятельность отвечала государственным интересам Советского Союза», от имени Совета осуществлял наблюдение за отделом внешних сношений Московской Патриархии, собирал материалы об автокефальных православных церквях, поддерживал связь с отделами МИД, получал сведения, относящиеся к церковной жизни за рубежом от ТАСС, Комитета информации МИД и КГБ⁶. Наркомат иностранных дел (Министерство), хотя для его сотрудников это направление также являлось новым, стал надежным партнером Совета [9, с. 171, 180]. Переписка с Наркоматом (Министерством) иностранных дел, а также информация по православным церквям зарубежных стран были выделены в особое делопроизводство и занимали по объему большую часть всего объема секретного делопроизводства Совета. Это было связано с тем интересом, который советское правительство проявляло к связям Московской Патриархии за рубежом. Церковь должна была стать одним из каналов просталинского влияния в православном мире. Вся документация проходила через Совет по делам РПЦ, который согласовывал все вопросы с ЦК ВКП(б), Министерствами иностранных дел, госбезопасности, внутренних дел и финансов. В конечном итоге все документы направлялись на утверждение в правительство [7, с. 237, 238].

Г.Г. Карпова не было случайным. Подразделения возглавляемого им Отдела занимались вопросами борьбы с церковной и сектантской контрреволюцией. Его имя было также хорошо известно и церковному руководству. Сохранял пост начальника Отдела в структуре НКГБ. 2 марта 1955 г. был уволен из КГБ СССР. В феврале 1960 г. освобожден от обязанностей председателя.

⁴ 14 сентября 1943 г. за подписью И.В. Сталина Совнарком СССР принял постановление «Об организации Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР». 7 октября правительство СССР своим постановлением № 1095 утвердило «Положение о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР». Место Совета по делам РПЦ в системе государственных учреждений и его статус были определены Государственной штатной комиссией при СНК СССР от 23 ноября 1943 г. – Совет был зарегистрирован как учреждение системы ведомства СНК и подчиненное непосредственно правительству СССР. Образование Совета по делам РПЦ, а в 1944 г. – Совета по делам религиозных культов – единственный случай, когда в условиях Великой Отечественной войны в системе государственных учреждений были образованы органы, не имеющие непосредственного отношения к военным действиям.

⁵ Положение об отделе по делам заграничной деятельности Русской православной церкви было утверждено протоколом № 15 заседания Совета по делам РПЦ от 28 июля 1947 г. В дальнейшем отдел стал называться, как и назывался ранее – Отдел по делам центрального управления Церкви.

⁶ Письма патриарха... С. 16.

В докладе И.В. Сталину от 12 июля 1946 г. «Об итогах работы Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР за период с 1943 по 1946 г.» Г.Г. Карпов информировал, что в период после окончания Великой Отечественной войны основное внимание Совета было направлено на «расширение сфер деятельности и влияния Русской православной церкви за границей и укрепление ее авторитета и связей с другими автокефальными православными церквями мира». В заключение Г.Г. Карпов указывал на предстоящие серьезные мероприятия по еще большему укреплению позиций Московской Патриархии за рубежом и превращению ее во «вселенский центр православия» [6, с. 12, 13].

Таким образом, Совет по делам РПЦ играл важнейшую роль в решении внешнеполитических задач советского государства, и его деятельность была напрямую связана с работой профильных министерств.

СОВЕТСКО-ГРЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПО ВОПРОСУ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ НА АФОНЕ 1946–1953 ГГ.

Во взаимоотношениях СССР и Греции в послевоенный период церковная дипломатия не играла значительной роли и не внесла существенного вклада в урегулирование «греческой» проблемы.

Советско-греческие церковные отношения в 1946–1953 гг. включали в себя взаимоотношения с Элладской православной церковью, русскими обителями Афона⁷, а также русскими церковными общинами на территории Греции, где проживали преимущественно русские эмигранты. В рассматриваемый период две церкви оказывали влияние на советско-греческие отношения следующим образом:

⁷ Афонский полуостров был составной самоуправляющейся областью греческого государства, имеющий привилегированный статус и подчиняющийся греческим законам и конституции. Административно Афон являлся частью греческого государства, которое управляло ею через наместника, ответственного за сохранение общественного порядка. Группа монастырей Афонской Горы подчинялась церковной власти Вселенского патриарха.

1) делая заявления внешнеполитических инициатив СССР и Греции; 2) непосредственно участвуя в миротворческой деятельности, выступая с инициативами урегулирования конфликтующей ситуации; 3) выступая каналом коммуникации между разными экономическими и социально-политическими системами.

Деятельность советской дипломатии по урегулированию локальных конфликтов являлась одним из важнейших приоритетов внешней политики Советского Союза [3], в точности в созданной новой межправительственной организации ядерной эпохи – ООН [2], которая была способна применять рычаги международного сообщества дипломатическими способами для предотвращения глобальной войны [10]. В послевоенный период религиозный фактор не оказывал существенного воздействия на международные процессы. «Греческий» конфликт, разделявший политические элиты и общество, принял острую форму с 1946 г. Анализируя хронологию взаимоотношений по линии внешних церковных связей, необходимо принимать во внимание не только церковные связи, но и политический контекст и «действия отдельных организаций и людей». Принимая во внимание исключительную сложность «греческого» конфликта 1944–1949 гг. и его затяжной характер, разумно отказаться от попыток однозначной его интерпретации, а тем более противопоставления субъективных и объективных факторов конфликта [11]. После войны конфликт усилился, принял формы военного противостояния, и его пришлось решать в рамках ООН [10].

Письма Алексия I свидетельствуют о положении русских монастырей на Афоне, об отношении к ним греческих властей, о настроениях монашествующих⁸. Сложное правовое и финансовое положение русских монахов на Афоне заставило руководство монастыря Св. Пантелеймона обратиться за поддержкой и защитой к Русской церкви. На имя Патриарха Московского и всея Руси Алексия от игумена и монахов монастыря поступило сообщение о притеснениях русских монахов

⁸ Письма патриарха... С. 26.

греческими властями. Они просили патриарха принять меры к ограждению русских монахов от насилий, чинимых над ними греческими властями. Сразу ответ Пантелеимоновский монастырь не получил, не было подтверждения и о получении письма⁹. Однако и в эти трудные годы были предприняты попытки установления диалога между руководством РПЦ и советским правительством, с одной стороны, и Греческой церковью, Константинопольским патриархатом, с другой стороны. Учитывая, что вопрос о положении монастырей и монахов на Афоне являлся вопросом не только чисто церковным, но и политическим, Совет со своей стороны полагал целесообразным вмешаться в это дело в целях ограничения интересов русского монашества и укрепления позиций русской православной церкви на Ближнем Востоке¹⁰. Принципиальное согласие на установление связей Московской Патриархии с русскими монастырями на Афоне было дано 25 ноября 1946 г.¹¹

28 июня 1946 г. патриарх Алексей отправил письмо Г.Г. Карпову с обширным докладом протоиерея Вениамина Платонова «К вопросу об Афоне», в котором рассматривается государственное и правовое положение монашествующих на Афоне. В заключение протоиерей Вениамин писал, что «протянуть руку помощи населенникам Афона может и должно только исключительно славянское государство – СССР»¹².

Значимым событием в попытке урегулировать культурные связи между СССР и Грецией стал визит в середине 1946 г. второго секретаря Посольства СССР в Греции В.Д. Карманова, который прибыл по приглашению монахов русского Свято-Пантелеимоновского монастыря. Разрешение греческого МИД В.Д. Карманов получил с

большим трудом и выехал из Салоник на Афон 19 июля 1946 г. в сопровождении эпитропа русского монастыря о. Василия (Кривошеева), с которым встретился в Салониках через посредство консула Югославии. 20 июля 1946 г. он прибыл в русский монастырь св. Пантелеймона. По прибытии была устроена торжественная встреча как первому советскому официальному представителю, посетившему Афон. Игумен Иоанн выразил от своего и братии имени большое удовольствие по случаю приезда В.Д. Карманова и расценивал этот приезд, как знак заинтересованности советских официальных властей судьбой монастыря и вообще русских монахов на Афоне и как возможное начало возобновления отношений с советским государством¹³. 21 июля 1946 г. В.Д. Карманов посетил Карею, монастырский город, духовный и административный центр Афона, афонский кинот (синод), Андреевский скит, Ильинский скит, 2 русские кельи. 23 июля он посетил греческий Иверский монастырь и 1 русскую келью, а затем выехал обратно в Пантелеимоновский монастырь¹⁴.

Данный визит хотя и был важным событием для двух церквей, он не укрепил дружбу и в условиях начинавшейся гражданской войны вызвал сильнейшую тревогу греческих королевских властей и в дальнейшем стал важнейшей причиной репрессий против русских монахов [12, с. 60].

После посещения Афона В.Д. Кармановым было выяснено, что право на свои владения имеет только монастырь св. Пантелеймона, как полноправное юридическое лицо. Скиты и кельи таких прав не имели, так как были расположены на «чужих» территориях. Первые русские келлиоты построили свои на участках земли, купленных у соответствующих монастырей по особым грамотам, то есть «омологиям». Эти «омологии» давали право келлиотам иметь свою церковь, необходимые постройки, огороды. И поскольку никаких договоров при покупке участков земли для построек келий не заключалось, кроме «омо-

⁹ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 21. Л. 97.

¹⁰ Там же. Л. 53.

¹¹ № 128 Алексей I – Г.Г. Карпову... С. 166.

¹² № 128 Алексей I – Г.Г. Карпову. 28 июня 1946 г. // Письма патриарха Алексея I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970: в 2 т. / под ред. Н.А. Кривовой. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 1. 1945–1963 гг. С. 146.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 21. Л. 91.

¹⁴ Там же. Л. 92.

логий», келлиоты находились в полной зависимости от монастырей. Также советский представитель установил, что греческая политика заключалась в недопущении в русский монастырь и скиты новых молодых послушников. Другой формой притеснения являлось подавление стремления русских монахов занять какое-либо абсолютное, с точки зрения национальной, положение. Греки препятствовали распространению влияния Пантелеймоновского монастыря на другие русские обители. Русские монахи в то время были признаны греческим правительством греческими подданными. Документального оформления принятия их в греческое подданство не было, от них было получено только устное согласие. Советский представитель полагал, что принятие русских монахов в гражданство Греции имело цель в обеспечении перехода собственности и владений русских обителей в руки греков. Игумен Пантелеймоновского монастыря старался уклониться от ответа на вопрос о переходе в советское гражданство. Он заявил, что, если бы такое принятие было сделано не по их инициативе, а по постановлению советских властей, они бы не стали возражать. Кинот и монастыри Афона всегда находились в подчинении Константинопольского патриарха. Из 20 монастырей Афона 17 были греческими, 1 русский, 1 сербский и 1 болгарский. Поэтому, учитывая тот факт, что спорные вопросы решались большинством голосов, греки всегда могли провести выгодное им решение. Также не рассчитывали и на беспристрастие Константинопольского патриарха в спорных вопросах.

В то время русские монахи не имели той связи с русской церковью, какая она была в период до революции 1917 г. Связь прекратилась. Несмотря на желание игумена и монахов установить хорошие отношения с Московской патриархией, со стороны последней не было предпринято существенных мер по урегулированию положения русских монахов на Афоне. Не посещали Афон и представители Русской православной церкви, их визиту игумен и монахи также были бы очень рады¹⁵.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 21. Л. 93-97.

Греция, как и другие страны, где большинство населения причисляли себя к православным христианам, не была намерена поддерживать влияние советской политической и социально-экономической модели. Русская православная церковь в СССР и коммунизм были двумя мировоззрениями, которые конфликтовали. Вероятно, это и было причиной проводимой политики Греции по отношению к русским поселениям на Афоне. Такие меры можно оценить как применение политической власти в вопросах веры, а именно, использование государственной власти для защиты и распространения веры. Во-вторых, после перехода Святой Горы во владение Греции, Афон перестал быть выразителем единства православного мира. Греция, рассматривая Афон как свое обычное владение, принимала меры к вытеснению всех негреческих элементов¹⁶. Эти мероприятия греческого правительства были направлены к ущемлению национальных меньшинств на Святой Горе. Греческое Министерство иностранных дел сделало фактически невозможным поселение на Афоне других национальностей¹⁷. Таким образом, церковь в Греции была силой, легитимирующей и лоббирующей определенные направления национальной внешней политики. Она поддерживала официальную политическую линию государства, а также реализовывала свои собственные интересы на территории Святой Горы Афон.

После разговора с русскими насельниками, В.Д. Карманов выяснил, что монахи не имели представления о том, что происходило в СССР из-за отсутствия литературы и информации. Свои представления о жизни в СССР они составляли на основе белоэмигрантских газет и изданий, отправляемых им

¹⁶ Число монахов негреческой национальности в русском монастыре св. Пантелеймона уменьшилось за 1920–1945 гг. с 800 до 215 человек, в Андреевском русском скиту – со 150 до 45 человек, в Ильинском скиту – со 160 до 52 человек, в русских кельях – с 1000 до 200 человек. Причиной убыли монахов являлась естественная смерть большинства ввиду преклонного возраста и прекращения пополнения в течение 30-ти лет.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 21. Л. 137.

из Америки и Франции, однако они всегда подчеркивали свое русское происхождение и гордость тем, что они русские. Победы Красной армии в войне также побуждали в них патриотические чувства. Большинство монахов положительно относились в то время к советской России, были патриотически настроены, хотя и на дореволюционный лад¹⁸. Уезжая из монастыря, представитель посольства пообещал игумену снабжать их церковной литературой, чтобы они получали информацию из первых источников, а не в искаженном виде.

Выводы после поездки на Святую Гору В.Д. Карманов сделал следующие: 1) следовало и в дальнейшем интересоваться положением русских монахов на Афоне и периодически посылать туда представителей посольства; 2) эффективные мероприятия по закреплению за советским государством имущества и владений русских обителей на Афоне было бы трудно осуществить; 3) следовало продумать вопрос о возможности принятия русских монахов в советское гражданство; 4) необходимо распространять среди русских монахов советскую церковную литературу; 5) желательно, чтобы РПЦ заинтересовалась афонскими монахами; 6) нужно было продумать вопрос о возможности того, чтобы добиться от греческих властей смягчения режима поступления молодых послушников в русские обители; 7) поскольку имущество русских монастырей принадлежало бывшей Российской империи, советское государство имело все основания претендовать на это имущество, но необходимо было провести подготовительную работу¹⁹.

9 августа 1946 г. патриарх Алексей по делу об Афонских иноках выдвигал следующие соображения: «Усиление фашистских и реакционных элементов в Греции, поддерживаемых британским империализмом, грозит повлиять самым неблагоприятным образом на судьбу русских монастырей Афона. Лучшим выходом нужно считать возврат к русскому предложению 1913 г. об объявле-

нии Афона независимой и нейтральной монашеской автономной областью, находящейся под покровительством и гарантией государства с православным населением, вследствие чего Афон перестал бы быть составной частью, хотя бы и автономной, но одного греческого государства. Приезд на Афон и принятие монашества на нем свободны для всех православных христиан. Второй заключается в постановке вопроса не о выделении Афона из состава греческой территории, а лишь об его экстерриториальности, предполагалась гарантия свободного доступа представителям всех православных национальностей для принятия монашества. Выдвигалось положение, что возобновление традиционной русской политики покровительства русскому Афону может коренным образом укрепить положение последнего, укрепляя тем самым влияние Советского Союза среди православных народов Балкан и Ближнего Востока»²⁰. Россия, не подписавшая Севрского договора от 10 августа 1920 г., который был составлен в ее отсутствие, имела право поставить этот вопрос на обсуждение и требовать возврата к русскому предложению 1913 г.²¹ Патриарх пишет о необходимости морально-вещественной поддержки «страждущих, продолжительное время оторванных от Матери-Церкви единокровных иноков». И только Советский Союз мог «помешать греческим шовинистам наложить свои руки на русские монастыри»²².

17 августа 1946 г. Г.Г. Карпов направил в МИД письмо патриарха Алексея об афонских иноках. Совет по делам РПЦ считал мнение патриарха правильным и просил со-

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 21. Л. 97.

¹⁹ Там же. Л. 99, 100.

²⁰ № 144 Алексей I – Г.Г. Карпову. 9 августа 1946 г. // Письма патриарха Алексея I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970: в 2 т. / под ред. Н.А. Кривовой. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 1. 1945–1963 гг. С. 182, 183.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 21. Л. 79.

²² № 144 Алексей I – Г.Г. Карпову. 9 августа 1946 г. // Письма патриарха Алексея I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970: в 2 т. / под ред. Н.А. Кривовой. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 1. 1945–1963 гг. С. 182, 183.

общить МИД, что может быть предпринято со стороны Московской патриархии²³.

В дополнение к ранее упомянутым сообщениям, 21 августа 1946 г. Алексей I опрашивает Г.Г. Карпову письмо с содержанием доклада И.А. Кривошеина «Положение русских монастырей Афона в связи с политическими событиями в Греции», в котором содержится информация о монахе Василии (Кривошеине). Это был человек просоветских взглядов, который был представителем русского Пантелеимоновского монастыря в совете всех двадцати афонских монастырей в Карее между 1941–1944 гг. В 1946 г. ему пришлось уйти из совета ввиду столкновений с представителями греческих монастырей, настроенных резко антисоветски, но он остался членом тройки, состоящей при игумене, и даже сделался «грамматиком», то есть секретарем по внешним сношениям. Его преемником в должности «антипросопа»²⁴ явился монах Давид, уроженец Закарпатской Украины, придерживающийся той же политической линии. Не решаясь обвинить монаха Кривошеина в просоветской деятельности, опасаясь вызвать недовольство Советского Союза, греческие реакционеры возбудили против него дело в «проболгарской» деятельности за то, что он во время страшного голода в Греции в 1942 г. спас Афон от голодной смерти благодаря получению продовольствия из Софии. Дело отложили на неопределенное время. В записке отмечается общая сознательность и солидарность монахов Пантелеимонова монастыря, которые ответили молчанием на новое предложение Болгарии о предоставлении продовольствия и не подвели своего представителя²⁵. Монах Василий (Кривошеин) покинул Афон в 1947 г.

²³ № 144 Алексей I – Г.Г. Карпову... С. 184.

²⁴ Антипросоп (андипросолосос) – представитель святогорских обителей Святой горы в Священном Киноте.

²⁵ № 153 Алексей I – Г.Г. Карпову. 21 августа 1946 г. // Письма патриарха Алексея I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970: в 2 т. / под ред. Н.А. Кривовой. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 1. 1945–1963 гг. С. 189, 190.

в результате действий греческих государственных властей, которые считали его пребывание на Афоне нежелательным и опасным. После освобождения от немецкого заключения в мае 1950 г. ему было отказано в возвращении на Афон из-за проводимой определенной политической линии²⁶. В заключении своего доклада И.А. Кривошеин писал: «Афон должен оставаться центром сближения всех православных народов под номинальной юрисдикцией Константинопольского патриарха, но при этом почетное место должно быть предоставлено русскому элементу как наиболее многочисленному и пользующемуся поддержкой Советского Союза и о желательности установления тесной связи между Московской патриархией и русским Афоном путем присылки информации о церковной жизни в Советском Союзе, чтобы противодействовать пропаганде Карловацкого синода и антисоветских кругов»²⁷. Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что на территории Святой горы Афон непрерывно продолжалась борьба, которая имела политическую составляющую, за увеличение влияния на общественную жизнь. Эта борьба вела к дестабилизации в локальном и региональном масштабах.

Отношения РПЦ и Элладской церкви в послевоенный период оставались неопределенными. В докладе Г.Г. Карпова в ЦК ВКП(б) об итогах работы Совета по делам Русской православной церкви за 1946 г. (от 14 февраля 1947 г.) отмечалось: «Открытым оставался лишь вопрос о взаимоотношениях с Элладской православной церковью и Константинопольским патриархом. От какой-либо связи с Греческой православной церковью Московская патриархия воздерживалась сама, учитывая, что глава этой церкви архиепископ Дамаскинос отражал интересы реакционных кругов Греции ориентировался на англичан»²⁸. Таким образом, Совет по делам РПЦ и советское правительство совместны-

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 993. Л. 133.

²⁷ № 153 Алексей I – Г.Г. Карпову... С. 191.

²⁸ Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: в 2 т. Т. 1. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. С. 401.

ми усилиями противодействовали внешним угрозам в лице проводников в Греции прозападного, капиталистического мира. Одновременно МИД СССР в письме от 23 ноября 1946 г. за № 1852/бс в Совет по делам РПЦ дал принципиальное согласие на установление связей Московской патриархии с русскими монастырями на Афоне.

Свидетельством значимости для Московской патриархии вопроса об Афоне было пасхальное приветствие патриарха Алексея к главе Греческой церкви архиепископу Дамаскиносу, в котором он делился переживаниями по поводу тяжелого положения русских монахов на Святой Горе²⁹. В своем послании он говорит, что все подвижники Святой Горы, вне различия от их национальности, должны чувствовать себя равноправными членами одной святой семьи. Он призывает общими усилиями, содействием всех предстоятелей Православных Церквей, оградить вторую Святую Землю от нецерковного влияния. Автор послания также выразил недоумение, что покровительство Святой Элладской Церкви не распространялось на славянских иноков³⁰. Поэтому в своем пасхальном обращении Святейший патриарх Алексий предложил архиепископу Дамаскиносу быть вне политики, не препятствовать материальной поддержке Московской патриархией своих соотечественников, быть достойными милости Божией.

В ответном письме, на которое Московская патриархия решила не отвечать³¹, архиепископ Афинский Дамаскинос сообщал, что не имеет никакого отношения к самоуправлению Святой Горы, находящейся под юрисдикцией Вселенской Патриархии, к которой и следовало направлять соответствующую просьбу. В этом же письме он писал, что исходя из сообщений Министра иностранных дел Греции и Генерального правителя Святой Горы, никто не сожалел об устройстве и порядке на Афоне, который установлен и утвержден. Касательно практикуемого кон-

троля над приездом на Святую Гору монахов и клириков, он акцентировал внимание, что контроль по этому делу проводился Греческим правительством, как верховной гражданской властью над святым местом, и Вселенской патриархией, как духовной верховной властью. Этот контроль был строгим ввиду напряженного общего положения и нежелания поколебать мир Святого места. Также предупредительные меры имели целью охрану мира подвижающихся, чтобы они были далеки от мирской борьбы. Архиепископ Дамаскинос был убежден, что Вселенская патриархия, много веков управляющая Святой Горой, предпринимала правильные шаги, необходимые для выполнения ее высокого назначения³². Однако в дальнейшем Святая Гора Афон не отвергала намерений греческого правительства использовать ее территории для экономических целей. Журнал Кипрской Церкви «Апостолос Варнаvas» от 5 мая 1951 г. писал о том, что Святая Гора больше не будет только местом молитвы, изолированным от всего мира. Речь шла об отправлении Вселенской патриархией трехчленной делегации на Афон для того, чтобы «при помощи плана Маршалла основать там промышленные заведения для заготовки строительного леса, выработки бумаги, издательства церковных книг³³. Это была программа предоставления финансовой помощи США в связи с тяжелым экономическим положением Греции, рассчитанная на несколько лет. По мнению греческой стороны, все это было направлено на достойное использование духовных и материальных сокровищ Святого места и улучшение условий жизни, так чтобы Святая Гора стала местом истинно духовной жизни и деятельности³⁴.

Таким образом, поддерживая переписку с Элладской православной церковью, патриарх Алексий был осведомлен о позиции греческого Архиепископа, касательно управления Святой Горы. Ухудшение отношений между СССР и Грецией и противоречия ме-

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 993. Л. 138.

³⁰ Там же. Л. 139, 140.

³¹ Там же. Л. 152.

³² Там же. Л. 153-155.

³³ Там же. Д. 736. Л. 109.

³⁴ Там же. Л. 27.

жду двумя государствами, которые затрагивали политическую сферу, оказывали значительное влияние и на религиозные процессы.

РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ НА АФОНЕ НА ВСЕПРАВОСЛАВНОМ СОВЕЩАНИИ 1948 Г.

Еще одним примером осуществления международной деятельности РПЦ в сфере сотрудничества православных автокефальных церквей СССР и Греции в стремлении поднять взаимодействие в сфере религии на совершенно новый уровень, было Всеправославное совещание 1948 г. Совет министров СССР постановлением № 1132-465-сс от 29 мая 1946 г. разрешил Совету по делам РПЦ дать согласие Московской патриархии на проведение в 1947 г. в Москве Всеправославного предсоборного совещания с участием глав всех автокефальных православных церквей мира. Некоторые иерархи Элладской церкви отреагировали на планируемый созыв Всеправославного совещания в Москве резко негативно. Так, митрополит Закинфский Хризостом 1 августа 1947 г. опубликовал в официальном печатном органе Церкви статью «Две главные опасности», в которой писал, что «православная греческая церковь имеет своим врагом не только папизм и западную католическую церковь, но и славянство и славянские православные церкви, которые находятся под коммунистическим режимом». Таким образом, хотя представитель Элладской церкви и сделал заявление, идущее в русле государственной политики, вопрос о противостоянии двух церквей практически никогда не поднимался. Этому способствовала и официальная позиция Московской Патриархии, отказавшейся от открытой конфронтации из-за положения русских монастырей на Святой Горе Афон. Многолетняя борьба Московской Патриархии за сохранение русского присутствия на Афоне началась в 1945 г., после направления послания настоятеля Свято-Пантелеимоновского монастыря Патриарху Алексию с просьбой

принять русских монахов под свое духовное покровительство и поддержать их авторитетом Русской православной церкви³⁵. Содействие в деле защиты славянских обителей и братств на Афоне обещал оказать патриарх сербский Гавриил³⁶. Не вторгаясь в область суверенного права Греции, Русская церковь неоднократно указывала на самобытное положение иноков разных национальностей на Святой Горе, на исторически складывавшиеся льготы, ходатайствовала о свободном доступе в обители всех стремящихся к иночеству, а также о свободном посещении Афона учеными и паломниками всех национальностей [12, с. 59]. Хотя подобная позиция в данный промежуток времени ситуацию не изменила, но этот сюжет уже не связан непосредственно с проблематикой советско-греческих отношений.

Митрополит Закинфский Хризостом считал Патриарха Алексия неправомочным созывать Всеправославные совещания и утверждал, что «славянские церкви стремятся поставить русского патриарха на то видное место, которое в течении веков занимает Вселенская патриархия». Его статья носила ярко выраженный антиславянский характер, подчеркивая, что славяне не должны забывать, что они получили культуру от греков³⁷.

Но в 1947 г. намеченный Собор не состоялся³⁸. Дата созыва совещания переносилась несколько раз. Распоряжением Совета министров СССР № 2142-рс от 25 февраля 1948 г. Московской Патриархии было разрешено провести совещание глав православных автокефальных церквей в июне 1948 г. Совещание глав и представителей автокефальных православных церквей и празднование

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 736. Л. 88.

³⁶ Там же. Л. 111.

³⁷ Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: в 2 т. Т. 2. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. С. 323.

³⁸ № 184 Алексий I – Г.Г. Карпову. 13 января 1947 г. // Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970: в 2 т. / под ред. Н.А. Кривовой. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 1. 1945–1963 гг. С. 223–226.

500-летия автокефалии Русской православной церкви состоялось 8–18 августа 1948 г.

Архиепископ Афинский Дамаскин получил приглашение на предстоящие торжества в первых числах июня, но борясь против этой инициативы русской церкви, до последнего момента не отвечал на приглашение. 2 июля 1948 г., когда стало совершенно очевидно, что Совецание в Москве состоится и на нем будут представлены почти все православные церкви³⁹, была получена телеграмма на имя патриарха Алексия о том, что он не может участвовать лично, вследствие чрезвычайного созыва иерархии Элладской церкви. Представлять греческую церковь получили распоряжение Высокопреосвященный митрополит Филиппон и Неаполеос (Каваллы) Хризостомос в сопровождении секретаря греческого синода, архимандрита Дамаскиноса Хадзопулоса⁴⁰. Советской стороной такой ответ был расценен как вынужденный запоздалый акт, больше разведывательного характера, чем вежливости⁴¹. О присутствии греческой делегации также лично сообщил архимандрит Дамаскинос Хадзопулос поверенному СССР в Афинах Н.П. Чернышеву⁴². Приехавшие в Москву делегации присутствовали на празднествах в качестве простых наблюдателей и не были уполномочены входить в обсуждение каких-либо вопросов⁴³. Греческий православный патриархат в Стамбуле решил принять приглашение русской церкви присутствовать на празднестве в Москве в честь 500-летия учреждения независимой русской церкви. Греческая церковь и греческий патриархат в Александрии также послали делегации в Москву⁴⁴.

В повестке дня Всеправославного совещания были выдвинуты проблемы, требующие реального разрешения. 13 июля 1948 г. на Совещании была принята резолюция созданной Комиссии по докладам о положении Святой Горы Афонской, которая от имени

Московского совещания призывала глав всех православных церквей обратить внимание на судьбу афонского монашества негреческой национальности, на лишение их прав, которыми они пользовались в силу канонических и международных законодательных положений об Афоне. На пленарном заседании совещания резолюция не обсуждалась и не голосовалась.

Правда, эта резолюция видела в разрешении свободного вступления в монашество независимо от национальности и подданства, разрешении доступа на Афон паломникам и ученым богословам, упрощении и сокращении формальностей случае необходимости приема греческого гражданства, в освобождении от таможенных налогов ввозимых продуктов и других предметов монашеской и церковно-богослужебной жизни⁴⁵. Практических шагов и реализации указанной резолюции ни одной из церквей, участвовавших на совещании в Москве, предпринято не было, если не считать опубликования ее во II томе «Деяния Совещания глав и представителей автокефальных православных церквей»⁴⁶. Деяния были широко разосланы за границу⁴⁷. Текст был отправлен поместным православным церквям, не участвовавшим в Совещании и церкви Константинопольской, в чьей юрисдикции находится Святая Гора⁴⁸. Известны доклады и резолюции об Афоне восточным патриархам и греческому правительству. Вероятно, в результате поднятия вопроса об Афоне ставленник Трумэна патриарх Афинагор, следуя своим взглядам и предначертаниям Госдепартамента США, вел линию на окончательную ликвидацию монахов и монастырей негреческой национальности⁴⁹. Каких-либо изменений в положении негреческих иноков и монастырей

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 586. Л. 11.

⁴⁰ Там же. Д. 431. Л. 52, 53.

⁴¹ Там же. Д. 586. Л. 11.

⁴² Там же. Д. 431. Л. 53.

⁴³ Там же. Л. 58.

⁴⁴ Там же. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 8300. Л. 52.

⁴⁵ Там же. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 993. Л. 16.

⁴⁶ Деяния Совещания глав и представителей автокефальных православных церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской православной церкви. 8–18 июля 1948 г.: в 2 т. М.: Моск. патриархия, 1949. С. 358, 359.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 993. Л. 17.

⁴⁸ Там же. Л. 165.

⁴⁹ Там же. Л. 17.

Афона не произошло. Более того, помимо запрета на въезд и поселение в монастырях Святой Горы инок негреческой национальности и запрета на каноническую связь со своей церковью были предприняты попытки провести в жизнь мероприятия, призванные изменить национальный облик негреческих монастырей⁵⁰.

Таким образом, Совет по делам Русской православной церкви, МИД СССР и отдельные деятели неоднократно поднимали вопрос о вымирании русских монахов на Афоне. 14 марта 1951 г. МИД СССР информировало о сообщении Поверенного в делах СССР в Афинах Н.П. Чернышева, что «в связи с вымиранием русских монахов в Афоне в ближайшие годы все имущество русских монастырей, принадлежащее Советскому Союзу, может перейти в руки греческих властей». Н.П. Чернышев считал целесообразным «проявить заинтересованность в этих монастырях и сохранить право собственности Московской Патриархии на имущество монастырей. По справке МИД СССР от 17 февраля 1951 г., состояние русских монастырей на Афоне исчислялось в 80 миллионов золотых рублей. В русских монастырях Афона хранились древнейшие иконы русского и византийского письма. Была масса золотой и драгоценной церковной утвари, ризы, облачения, являющейся вкладами русских царей и элиты на протяжении веков. Сами строения имели большую историческую и материальную ценность. Греческим правительством была запрещена продажа археологических золотых и других ценностей монастырей, и они были взяты ими на учет. Вследствие этого русские монахи скита св. Андрея (Санаги), по сведениям МИД СССР, буквально нищенствовали, а жили продажей личных вещей. В монастырях хранились уникальные рукописи и другие памятники славянской культуры⁵¹. Еще в 1946 г. на имя И.В. Сталина отправил письмо директор музея истории религии Академии наук СССР, доктор исторических наук Вл. Бонч-Бруевич, где сообщал, что в

болгарских, русских и югославских монастырях, находящихся на Афоне, за многие столетия собраны замечательные древнеславянские рукописи⁵². Он говорил о необходимости вывести из Афона славянские рукописи и доставить их в распоряжение Академии наук СССР⁵³.

Однако, несмотря на предпринятые шаги со стороны СССР и стран советского блока, а также их церквей, вопрос об Афоне оставался в стороне. По справке, полученной 7 июля 1952 г. в МИД СССР (у тов. Сальнова, работающего по Греции в МИД СССР), профессор Хвостов по поручению А.Я. Вышинского занимался исследованием договора в отношении Афона⁵⁴. Также Советом по делам РПЦ были разработаны рекомендации, согласованные с МИД СССР Московской Патриархии. Рекомендации включали: 1) разработку меморандума о русских монахах на Афоне с изложением всех претензий Русской православной церкви к греческому правительству и Константинопольскому патриарху Афинагору; 2) обратиться к заинтересованным церквям (болгарской, румынской, грузинской) с предложением о подготовке аналогичных претензий; 3) добиться получения разрешения на въезд на Афон 2–3 духовных лиц, командируемых для научно-исследовательской работы по изучению древних церковных памятников русской и грузинской культур; 4) поместить в печати публикации о положении русских монастырей на Афоне; 5) обратиться к Румынскому патриарху Юстиниану с предложением взять на себя инициативу созыва в 1952 г. специального совещания представителей заинтересованных церквей для обсуждения положения Афона⁵⁵. Обращение к патриарху Румынской церкви было отправлено Святейшему Юстиниану Святейшим патриархом Алексием в августе 1952 г.⁵⁶

В начале 1953 г. меморандумы о защите монастырей на Афоне были подготовлены и

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 993. Л. 165, 166.

⁵¹ Там же. Л. 135, 136.

⁵² Там же. Л. 20.

⁵³ Там же. Л. 94.

⁵⁴ Там же. Л. 134.

⁵⁵ Там же. Л. 141.

⁵⁶ Там же. Л. 166, 167.

в Болгарии, и в Румынии. Во время пребывания делегации Русской церкви в Болгарии на интронизации патриарха Кирилла патриархи Болгарский и Румынский заверили главу делегации Русской церкви, что они ждут сигнала от Московской Патриархии. Однако события, произошедшие в СССР после 3 марта 1953 г., отодвинули проблемы, связанные с деятельностью Московской Патриархии и Совета по делам РПЦ. Новое советское руководство уже иначе формулировало цели внешней политики [13]. В Совете по делам РПЦ данных о конкретных предпринимавшихся советским правительством мерах по защите своих богатств в монастырях нет. Также в Совете нет информации о предпринимавшихся в отношении Афона шагах со стороны Русской православной церкви⁵⁷. Начавшаяся кампания по восстановлению экономики Европы коснулась и Афона. Она вселяла тревогу и беспокойство заинтересованных православных церквей, однако предпринимать известные шаги по дипломатической линии и по линии внешних церковных отношений никто не торопился⁵⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Контакты Русской и Греческой церквей являлись важной составной частью христианского диалога. Миротворческие инициативы двух церквей не расходились с официальной государственной позицией СССР и Греции. Во время советской власти Русская православная церковь не имела самостоятельности и самодостаточности при формировании своей внешнеполитической линии. В течение первого послевоенного десятилетия во внешних церковных отношениях в Советском Союзе во взаимоотношениях с Грецией произошли перемены. Политическому руководству СССР приходилось считаться с ростом антикоммунистических настроений после Великой Отечественной войны на международной арене и в Греции. Принимая участие в миротворческих совещаниях, Церковь

стремилась противоборствовать усилению антикоммунистической пропаганды и дополняла усилия советского правительства в попытках урегулировать правовое положение русских монахов на Святой Горе Афон. В 1946–1953 гг. обе церкви предприняли серьезные шаги в урегулировании политических и религиозных противоречий в мире. Способом участия церквей в этом процессе был созыв Всеправославного совещания, на котором были предприняты попытки разрешить вопрос о положении русских монастырей на Афоне. Создание Комиссии по докладом о положении Святой Горы Афонской показывало стремление к поиску путей совместного решения проблемы, возможность нахождения компромисса, несмотря на разные представления о конечном разрешении конфликта. Миротворческие инициативы, предпринятые Русской православной церковью в тот период, повлияли на процесс укрепления русско-греческих конфессиональных связей во второй половине XX века. Сглаживание культурных и политических различий между двумя церквями не без оснований рассматривалось советским политическим руководством как важное средство преодоления конфликта. На ухудшение советско-греческих межцерковных контактов в послевоенные годы повлияло отсутствие конструктивного взаимодействия двух церквей по поводу международного положения Афона и правового положения русских монастырей на Афоне. Московский Патриархат, участвуя в международных отношениях, содействовал преодолению политических конфликтов, возникших в послевоенные годы. Использование каналов церковной дипломатии для налаживания коммуникаций между находящимися в условиях конфликта государствами являлось направлением, которое не оказывало существенного влияния на различные аспекты советско-греческих отношений. Церковная дипломатия трансформировалась в зависимости от политической составляющей и «генеральной линии» партии, и в данном случае можно обозначить «политическую функцию» религии.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 993. Л. 136.

⁵⁸ Там же. Л. 140.

Русская православная церковь признавалась в качестве религиозного актора другими участниками мирового взаимодействия, однако идеологическое противостояние СССР с капиталистической моделью сказывалось на

взаимоотношениях с другими государствами. Таким образом, уменьшение напряженности и достижение взаимопонимания различных конфессиональных сил возможно только в результате диалога сторон.

Список источников

1. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970. Т. 1. 1945–1963 гг. / под ред. Н.А. Кривовой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 119.
2. Гришаева Л.Е. Историческая роль ООН в современном мире // Дипломатическая служба. 2021. Т. 17. № 1. С. 6-21. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2101-01>
3. Гришаева Л.Е. Черчилль о разделе сфер влияния и новом устройстве мира // Вопросы истории. 2020. № 8. С. 166-190. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202008Statyi14>
4. Павловнин М.С. Взаимовлияние религии и политики в современном политическом пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 44-46.
5. Шкаровский М.В. Константинопольский патриархат и Русская православная церковь в первой половине XX века. М.: Индрик, 2014. С. 81.
6. Шкуратова И.В., Шкуратов С.А. Советское государство и Русская православная церковь: проблема взаимоотношений в области внешней и внутренней политики в послевоенные годы. М.: Компания Спутник+, 2005. 34 с.
7. Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР: внутренняя структура, функции, место в системе государственных органов 1943–1965 гг. // Историки размышляют: сб. ст. Вып. 3. М.: Звезда, 2002. С. 231-246.
8. Васильева О.Ю. Внешняя политика советского государства и Русская православная церковь. 1943–1948 годы // Труды института Российской истории РАН 1997–1998 гг. 2000. С. 339-353.
9. Одинцов М.И., Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская Патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. СПб.: Рос. объединение исследователей религии, 2013. 372 с.
10. Мартюкова Е.А. Позиция СССР в ООН по «Греческому» вопросу (1946 – начало 1947 гг.) // Клио. 2021. № 3 (171). С. 131-140.
11. Мартюкова Е.А. Позиция СССР в ООН по разрешению «греческой» проблемы в 1947 г. // Человеческий капитал. 2021. № (149) S2. С. 175-188. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.05.S19>
12. Шкаровский М.В. Русские обители Афона и Элладская Церковь в XX веке. М.: Индрик, 2010. 302 с.
13. Чумаченко Т.А. В русле внешней политики сталинского руководства: Русская православная церковь и патриархаты Ближнего Востока. 1943–1953 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22 (351). С. 142-148.

References

1. Krivova N.A. (ed.). Pis'ma patriarkha Aleksiya I v Sovet po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi pri Sovete narodnykh komissarov – Sovete ministrov SSSR. 1945–1970. T. 1. 1945–1963 gg. [Letters from Patriarch Alexy The 1st to the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars – the Council of Ministers of the USSR. 1945–1970. Vol. 1. 1945–1963]. Moscow, ROSSPEN, 2009, p. 119. (In Russian).
2. Grishayeva L.E. Istoricheskaya rol' OON v sovremennom mire [The historical role of the UN in the modern world]. *Diplomaticheskaya sluzhba – Diplomatic Service*, 2021, vol. 17, no. 1, pp. 6-21. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2101-01>. (In Russian).
3. Grishayeva L.E. Cherrhill' o razdele sfer vliyaniya i novom ustroystve mira [Churchill about division of spheres of influence and the new device of the world]. *Voprosy istorii – Questions of History*, 2020, no. 8, pp. 166-190. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202008Statyi14>. (In Russian).

4. Pavlovnin M.S. Vzaimovliyaniye religii i politiki v sovremennom politicheskom prostranstve [Mutual influence of religion and politics in modern political space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 359, pp. 44–46. (In Russian).
5. Shkarovskiy M.V. *Konstantinopol'skiy patriarkhat i Russkaya pravoslavnaya tserkov' v pervoy polovine XX veka* [Patriarchate of Constantinople and the Russian Orthodox Church in the First Half of the 20th Century]. Moscow, Indrik Publ., 2014, 232 p. (In Russian).
6. Shkuratova I.V., Shkuratov S.A. *Sovetskoye gosudarstvo i Russkaya pravoslavnaya tserkov': problema vzaimootnosheniy v oblasti vneshney i vnutrenney politiki v poslevoyennyye gody* [The Soviet State and the Russian Orthodox Church: the Problem of Relations in the Field of Foreign and Domestic Policy in the Postwar Years]. Moscow, Company Sputnik+ Publ., 2005, 34 p. (In Russian).
7. Chumachenko T.A. Sovet po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi pri SNK (SM) SSSR: vnutrennyaya struktura, funktsii, mesto v sisteme gosudarstvennykh organov 1943–1965 gg. [Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars (CM) of the USSR: domestic structure, functions, place in the system of government bodies 1943–1965]. *Istoriki razmyshlyayut* [Historians Speculate]. Moscow, Zvezdopad Publ., 2002, no. 3, pp. 231–246. (In Russian).
8. Vasilyeva O.Yu. Vneshnyaya politika sovetskogo gosudarstva i Russkaya pravoslavnaya tserkov'. 1943–1948 gody [The foreign policy of the Soviet government and the Russian Orthodox Church. 1943–1948]. *Trudy instituta Rossiyskoy istorii RAN 1997–1998 gg. – Proceedings of The Institute of Russian History Russian Academy of Science 1997–1998*, 2000, pp. 339–353. (In Russian).
9. Odintsov M.I., Chumachenko T.A. *Sovet po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi pri SNK (SM) SSSR i Moskovskaya Patriarkhiya: epokha vzaimodeystviya i protivostoyaniya. 1943–1965 gg.* [Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars (CM) of the USSR and the Moscow Patriarchate: an Era of Interaction and Confrontation. 1943–1965]. St. Petersburg, Russian Association of Researchers of Religion Publ., 2013, 372 p. (In Russian).
10. Martyukova E.A. Pozitsiya SSSR v OON po «Grecheskomu» voprosu (1946 – nachalo 1947 gg.) [The position of the USSR in the United Nations on the “Greek” issue (1946 – early of 1947)]. *Klio*, 2021, no. 3 (171), pp. 131–140. (In Russian).
11. Martyukova E.A. Pozitsiya SSSR v OON po razresheniyu «grecheskoy» problemy v 1947 g. [The position of the USSR in the UN on the resolution of the “Greek” problem in 1947]. *Chelovecheskiy kapital – Human Capital*, 2021, no. (149) S2, pp. 175–188. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.05.S19>. (In Russian).
12. Shkarovskiy M.V. *Russkiye obiteli Afona i Elladskaya Tserkov' v XX veke*. [Russian Monasteries of Athos and the Greek Church in the 20th Century]. Moscow, Indrik Publ., 2010, 302 p. (In Russian).
13. Chumachenko T.A. V rusle vneshney politiki stalinskogo rukovodstva: Russkaya pravoslavnaya tserkov' i patriarkhaty Blizhnego Vostoka. 1943–1953 gody [In the tideway of Stalin government's foreign policy: the Russian Orthodox Church and Middle East Patriarchates in 1943–1953]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, no. 22 (351), pp. 142–148. (In Russian).

Информация об авторе

Мартюкова Елизавета Александровна, аспирант, кафедра истории России XX–XXI веков, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-1032-5998, eamartyukova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.03.2022
Одобрена после рецензирования и доработки 20.06.2022
Принята к публикации 09.09.2022

Information about the author

Elizaveta A. Martyukova, Post-Graduate Student, Russian History of the 20th–21st centuries Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-1032-5998, eamartyukova@yandex.ru

The article was submitted 28.03.2022
Approved after reviewing and revision 20.06.2022
Accepted for publication 09.09.2022